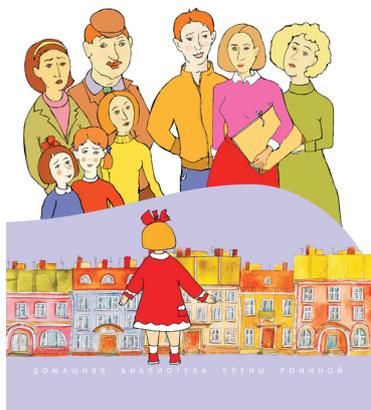

Елена Ронина
Я ВАС НЕ СЛЫШУ

Елена Ронина Я вас не слышу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9010802

Елена Ронина. Я вас не слышу: Водолей; 2014

ISBN 978-5-91763-216-2

Аннотация

Героиня нового романа Елены Рониной живет в маленьком провинциальном городке. Вся ее жизнь посвящена дочери: Надя талантлива, педагоги прочат ей прекрасное музыкальное будущее. Она просто обязана учиться в Московской консерватории, но Надя никогда не поменяет жизнь с любимым человеком на Москву и музыкальную карьеру. Она дает маме слово, что в консерваторию непременно поступит ее дочь Гуля. Только еще никто не знает, что Гуля родилась глухой и ей предначертана совсем другая судьба.

Это книга о том, как часто мы не слышим друг друга. Родители не стремятся услышать и понять своих детей, дети не желают слышать и слушаться родителей. Мы не слышим друзей и родных, не сопереживаем своим близким и просто знакомым. Давайте же слушать друг друга!

Содержание

В мире звуков	5
1	5
2	8
3	10
4	12
5	16
6	18
7	19
8	20
9	23
10	26
11	28
12	31
13	33
14	35
15	37
16	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Ронина

Я вас не слышу

© Е. Ронина, 2014

© Т. Миллер, 2014

© Д. Мерсер, 2014

© Издательство «Водолей», 2014

В мире звуков

1

Пятиэтажное строение с вензелями и колоннами стояло в глубине двора. Краска на доме давно облупилась, оштукатуренные балконы выглядели обшарпанными. Тем не менее старый дом смотрелся внушительно, чем-то напоминая дворянскую усадьбу. Не очень характерный дом для Ярославля, прямо скажем. По обе стороны от дорожки, ведущей к подъезду шумели высокие клены. Мария помнила время, когда деревца были ещё совсем молодыми, с нежными резными листочками. Каждый раз в конце лета она ждала того момента, когда, придя к бабушке в гости, заметит кленовые листья яркого красного цвета.

– Баб, а почему у других деревьев листья все лето зелёные, а у клёна – красные?

– Такое дерево. Почём мне знать! Ты вот книжки читаешь, гляди внимательнее, там про это, небось, тоже написано.

– Написано, но то специальные книжки должны быть.

– Так в твоей библиотеке, поди, и специальные книжки должны быть. Вот и бери специальные. А ты про что читаешь? Всё сказки?

Маленькая Маша не хотела читать специальных книг. Прочитаешь книжку, и загадка уйдёт. Нет уж, пусть лучше останется волшебство.

Мария по привычке подняла голову. Листьев на клёнах почти не осталось, осенний ветер трепал последние. Зато под ногами – шуршащий ковер жёлтого цвета. В который раз Мария восхитилась удивительным свойством природы сбрасывать по осени листву. И снова, как в детстве, Мария шла не по листьям, а старалась носками сапог поддеть их и отбросить в стороны, заставляя рассыпаться ярким веером. «Листопад – гололёд для трамвая», – почему-то вспомнилась ей фраза, когда-то прочитанная на рекламном щите в Москве. Листопад-гололёд – это же полное несоответствие. Она прошептала про себя:

– Всем здравствуйте, – и взялась за ручку двери.

Соседка с нижнего этажа практически столкнулась с ней лоб в лоб.

– Машенька, с работы? А Надюша сегодня что-то красивое играла. Долго так и громко.

Мария поздоровалась в ответ с извиняющейся улыбкой. Понятное дело, обращать внимание стоило не на «красивое», а на «громко».

– К концерту готовимся.

– Ну да, ну да. Вот хорошо нам, каждый день концерт, и денег платить не надо.

И соседка пошла, прихрамывая, в сторону бульвара. В каждой руке по полной авоське. Вот ведь наша советская женщина, крайне выносливая! Домой – с сумкой продуктов, из дома – тоже с полными сумками. В прачечную? В сапожную мастерскую? Подруга Светка говорила «для баланса». Обязательно для баланса нужно нести в каждой руке по сумке, а иначе искривления позвоночника не избежать.

Мария подавила в себе чувство неловкости из-за того, что её семья постоянно мешает соседям. Ну, что теперь делать? Может быть, все эти люди когда-нибудь будут гордиться соседством с её гениальной дочерью. Конечно! Именно так и будет! И Мария, наконец, вошла в подъезд.

Женщина заметила, что поднимается на пятый этаж уже не так легко, как раньше. Это раньше взлетала за минуту. И неважно, обута ли в туфли на высоких каблуках или в руках авоська с картошкой. Что это, возраст? Неужели сорок семь лет – это уже возраст? Мария его никак не ощущала, ей казалось, что внешне она совсем не изменилась, даже лучше стала, как говорится, «интереснее». Есть женщины, которых возраст только украшает. Грузины,

например, сравнивают женщину с выдержанным вином. Чем старше вино, тем выше его ценность. Может, оно и верно? Вот только за виноградом ухаживать нужно правильно. Ухаживала ли за собой Мария? Постольку поскольку. Времени на это особо не было. Одеваться вот стала лучше, это правда. Фигуру сумела сохранить. Да, не тростинка, про таких, как она, говорят «статная». Ещё мама учила, что главное во внешности женщины – это обувь и причёска. Все остальное приложится. Вот Мария и следила за тем, чтобы туфли были модными: на этом не экономила. С причёской было легче: густые русые волосы, слегка волнистые, легко укладывались в любую причёску. Мария, в зависимости от ситуации, завязывала их в хвост или делала низкий пучок, носила и распущенными, предварительно зачесав назад и как следует сбрызнув лаком, чтобы причёска выглядела аккуратно. Сегодня она причесалась именно так. Волосы, распущенные по плечам, оставляли лицо и лоб открытыми.

Светлое пальто Мария расстегнула, чтобы легче было дышать, поднимаясь. Остановившись передохнуть в пролёте между четвертым и пятым этажом, проверила набойки на новых сапогах. Всё в порядке, можно ещё неделю походить, а потом – бегом в мастерскую. «Это ж надо, уже отдохнуть нужно», – про себя удивилась Мария и всё-таки списала усталость на недавно надетое осеннее пальто и новые сапоги. Или все-таки виноваты неприятности на работе?

Да уж, перестала она перепрыгивать через ступеньки, поднимаясь по лестнице. Ну и ладно. Чего прыгать-то? К тому же многое зависит от настроения. Когда всё хорошо, никогда она эти лестничные пролёты не пересчитывает. А сегодня директор на ковер вызывал, так даже вспоминать не хочется.

Директор тыкал пальцем в отчёт, жилы на шее вздулись, галстук съехал набок.

– Под монастырь меня хочешь подвести? Как я, по-твоему, должен эти цифры показывать в министерстве?!

Директор что было силы шваркнул отчётом о стол.

– Иди и переделывай! – брызгал слюной ей в лицо директор.

– Я не могу, я Вам уже объясняла, – Мария старалась оставаться спокойной.

– Слышать ничего не хочу! Передовиками были, ими и останемся. Слышишь? И всё! И иди! У тебя вон сколько штатных единиц в отделе. И считаете не на счетах.

– Так в том-то и дело...

Мария пыталась вставить хоть слово, а директор распаялся всё больше.

Женщина выдохнула и продолжила подъём. Завтра, завтра она обязательно распечатает все таблицы с показателями за месяц и пойдёт к директору ещё раз. Это решено, а сейчас она идет домой. Там её ждет дочь, лучше подумать о хорошем.

Вот даже лучше, что дом старый и без лифта: подниматься по лестнице пешком полезно для здоровья, а то на зарядку времени не хватает, утром всё бегом, такие вот спуски-подъемы никому ещё не вредили.

Мария любила свою жизнь, свою небольшую семью из двух человек: её самой и восемнадцатилетней дочери Нади; работу, где она сумела дорасти до начальника планового отдела. И пускай директор не всегда был в настроении и мог, как казалось Марии, порой понапрасну спустить на неё собак, но в коллективе Марию уважали, она занималась полезным делом и чувствовала себя нужной.

Этот старый дом, построенный пленными немцами, она тоже очень любила. Дом был добротным, с толстыми стенами, ему не страшны были ни февральские морозы, ни июльская жара. Надя могла играть на пианино в любое время суток: звукоизоляция в доме была превосходной, что бы ни говорила соседка. Да и разве можно было сравнить этот дом с лепниной и вензелями на фасаде с любой ярославской блочной громадиной? Спасибо бабушке!

Бабушку Мария поминала всегда, входя во внутренний дворик дома за чугунной оградой. Ну и ладно, что без лифта. Здоровее будем!

– Лезешь, лезешь, хорошо, хоть перила крепкие, всегда тебя удержат. – Бабушке сложно было подниматься на пятый этаж. Но от помощи внучки она принципиально отказывалась. Двумя руками держась за перила, перевесив через плечо, как почтальон, свою вечную дерматиновую громадную сумку, она тяжело переставляла ноги.

– Ничего, главное, есть куда лезть. Долеем!

2

Дверь на мелодичный звонок открылась практически сразу. Мария вошла в тесный коридорчик их двухкомнатной квартиры. Сразу же в глаза бросились отошедшие обои в углу. «Надо всё же подклеить», – пронеслось в голове. Эта мысль всегда возникала у Марии в тот момент, когда она входила в квартиру и тут же улетучивалась, стоило ей пройти чуть дальше по коридору, на кухню.

Если дочь её не встречала и можно было немного передохнуть на банкетке, то она даже начинала подсчитывать, сколько рулонов обоев нужно купить, чтобы заново оклеить весь коридор. Получалось всего-то три рулона. И работы на полтора дня. С вечера раскатать и разрезать. А утром сварить клей и поклеить. В помощь можно позвать верную подругу Светку: Надя не помощница, у нее руки музыканта, которые нужно беречь. А Светка обязательно отзовется. Муж Гриша помочь Марии всегда отпустит. А может, еще и сам придет подсобить. Правда, они будут мешать Наде: грохотать, громко разговаривать. Нет, пожалуй, вполне ещё можно обойтись тем, что есть. Просто подклеить немного в углу. Но клей всё равно варить придется.

* * *

Дочь бросила через плечо: «Здрасьте», – и неторопливо пошла в свою комнату. «И что за манера!» – в который раз удивилась Мария. Почему она, встречая дочь, бросает все свои дела, не уходит из коридора, пока та не повесит пальто в шкаф, ещё и тапки ей найдет, и будет стоять с этими тапками, пока дочь как следует не разглядит себя в зеркале, наматывая на палец чёлку и нехотя отвечая на настойчивые мамины вопросы. Надя же никогда ни тапки не подаст, не спросит, как дела. Спрашивать приходится всегда и всё самой, причём уже выкрикивая через коридор.

– Что в училище? – Мария, как всегда, начала с того, что было самым важным.

– Всё нормально! – Надя растягивала слова, давая понять, что, может, слов сказано и немного, зато разговаривает она достаточно долго, для того чтобы не уточнять, что и как.

– Что значит «нормально»?! Что сказала Софья Михайловна? – Марию это растянутое слово никак не устраивало. Нет, ну с какой стати?! Столько затрачено сил, и не только Надиных. Ее, материнских, ничуть не меньше. Уж нервов-то точно.

Надя, видимо, поняла по тону матери, что детализировать придется. Она нехотя уточнила, и Мария почувствовала в голосе дочери некоторое самодовольство:

– Как всегда: что я гений и в консерваторию мне прямая дорога.

– Ну-ну...

Мария поставила сумку на пол и села на табуретку. Снять сапоги сил не было. Опять в голове всплыла несправедливая ругань директора. Всё, нужно выбросить его из головы. Завтра она покажет ему отчет ещё раз и докажет, что по-другому его составить просто нельзя. Никак нельзя! Мария его же в конце концов и защищает, как он этого не поймет!

Надя подбежала к матери. Да нет, совсем еще ребенок. Старается строить из себя взрослую, но вот забудется, и опять – маленький кролик. Почему Мария звала дочь Кроликом, она уже и сама не помнила. Кролик, и всё. Такое вот домашнее прозвище.

– Устала? Что? Неприятности? Опять этот козел орал?

– Надя! Ну, так нельзя. Просто устала. И, по-моему, ноги натёрла, – женщина улыбнулась дочери. Как же мало нам надо, вот ведь всего одно слово, и вроде как уже легче, и забылись эти бесконечные склоки в местном и недовольный директор. А он всегда недоволен.

– Давай помогу, – девочка ловко стянула сапоги. – А что у нас на ужин?

– Сейчас, посижу немного, что-нибудь сварганю.

Мария задумалась было о том, что дочь уже вполне взрослая и к приходу матери могла бы и сама чего-нибудь сварганить, но за эти самые сапоги сразу готова стала лететь на кухню и начинать печь пироги.

– Поиграй. – Это скорее был вопрос, никогда Мария не знала, как на него ответит Надя. Дочь могла запросто отрезать: «Не сейчас» или: «Устала». Могла вдруг пуститься в долгий рассказ о том, какие пассажи ей особенно нравятся. А могла, вот как сегодня, быстро и с улыбкой согласиться.

– Ага, – Надя села за пианино. – И учти, только ради тебя, свою программу я на сегодня выполнила.

– Давай-давай, понятное дело, что для меня.

На выпускных Надя должна играть Моцарта, 107-й концерт. Мария уже знает его наизусть, под него делает свои графики и сводит балансы, мысленно напевая, когда вынуждена брать работу на дом. Мелодия прокручивается в голове со всеми нюансами. Вот здесь совсем пиано, а здесь форте, а сейчас предстоит самый сложный пассаж, и Мария невольно подается вперёд, представляя дочь за инструментом. Сегодня она просто слушала, глядя на дочь. Как выросла её девочка, и совсем не похожа на неё, Марию. Вся в отца: и внешне, и особенно характером. Жёсткая, бескомпромиссная. Но всё же Мария вырастила хорошую дочь. Не всё измеряется вовремя поданными тапочками. Вот, смотри-ка, – гений. А что? Действительно, это не просто способности, а нечто большее, и её дочь поступит в консерваторию во что бы то ни стало.

* * *

Она сама мечтала выучиться играть на фортепьяно. Только откуда у её матери было взяться деньгам на такую дорогую вещь? Даже представить себе сложно. Да и у самой Марии их не было, когда она решила учить музыке свою дочь. Если бы только был жив Володя... Нелепая авария, в 25 лет. Выпили, понеслись гонять на мотоцикле. Мария всю жизнь будет винить себя в этой трагедии.

В тот день Володя вернулся с завода навеселе, позже обычного. Никакие объяснения по поводу пятницы и зарплаты на Марию не подействовали. А на кого бы подействовали?! Надюше только-только исполнилось полгода, оручая была – страсть, а тут еще затемпературила. Вроде зубы, а если нет? С трудом дождалась мужа с работы, сама никак не могла принять решение, что делать: вызывать врача или нет? Володя явился не запыхавшись, да еще вместе с соседом Витькой.

– Жена, принимай! Нового Витькиного друга обмываем.

– Ой, да вы уж вроде начали.

– А нечего тут нам высказывать, рабочий класс гуляет, имеем право, премию получили, опять же вон Витька какого коня купил!

Конечно, не права была, конечно, нужно было и стол накрыть, и рядом посидеть. Все мы умны задним умом. В тот момент такая обида захлестнула молодую женщину, что других слов, кроме как: «Вот пусть вас ваш конь и принимает. А кобыла какая подвернётся, тоже не расстроюсь», – не нашлось. Мария со слезами вытолкала обоих.

3

...Володя умер, не приходя в сознание, и с тех пор они с Надей все проблемы решали вдвоём.

Когда хотелось выть от бессилия, от безденежья, от одиночества и обиды, Мария не давала себе расслабиться: права не имела. У неё дочь. Кому ещё она нужна? Только матери. А когда становилось совсем неважно, Мария пела.

Подпевать Надя начала рано, а ещё раньше начала внимательно слушать радио, постоянно включённое в доме. Мария боялась тишины, слишком остро она чувствовала одиночество в замкнутом пространстве их небольшой квартирке. Впервые услышав незнакомую мелодию, Надя сначала затихала, прислушивалась, потом несмело вздыхала, гулила в такт. А слушая что-нибудь не в первый раз, цеплялась за прутья кровати, карабкаясь вверх, раскачивалась в такт мелодии, вертела головкой и приседала, как казалось Марии, в самых красивых и мелодичных местах. Дочь слышала музыку, определённо. А уж когда начала подпевать, то сомнений не осталось. Наде только-только исполнилось тогда два года. Мария удивлялась и радовалась способностям дочери.

Они начали собирать пластинки; тут были и музыкальные сказки, и популярная классика. Любимыми стали «Бременские музыканты» и Свиридовская «Метель». Причем музыка Свиридова нравилась больше. Мария и сама обожала романс с этой пластинки, дочка же выбрала марш, который могла слушать часами. Почему именно его? Слушала, маршируя в такт музыке и тихо подпевая.

Время бежало быстро, Мария уже не сомневалась: дочь нужно учить. И это уже не просто её, Марии, мечта, – это необходимость. Надины способности нужно было развивать.

– Надь, а ведь у тебя слух есть! Ни разу не соврётся! – только разводила руками Мария.

– Потому что врать нехорошо!

– Да я о другом, – улыбалась дочуре мама. – А вот купим мы с тобой пианино. Давай, а?

– Может, лучше скрипку?

– Нет, лучше пианино. Я уже узнавала. На работе в кассе взаимопомощи денег дадут, за год расплатимся. Только ты уж меня не подведи, учись.

* * *

После победы на первом Международном конкурсе имени Чайковского в Москве молодого американского пианиста Вана Клиберна в 1958 году вся страна стала бредить музыкой. И если раньше родителям было всё равно, на какой инструмент отдавать своё чадо, то после невероятного фурора юного американца начался настоящий бум на фортепьяно.

Мария никакого отношения к музыке не имела, но ей очень хотелось дать дочери как можно больше; – больше, чем она сама получила от родителей. А почему бы и нет? Вон, простой мальчик из Техаса сумел победить на конкурсе сам, безо всякой протекции. А вдруг и её дочка такая же способная? В стране Советов для каждого созданы условия. Тут главное – иметь талант. А он пробьётся.

Мария очень хорошо помнила тот давний музыкальный конкурс. Весь мир с замиранием сердца следил за результатами. Шахтер, рабочий, учитель – все ждали, кто победит. И ведь интересное дело, сразу же любимцем публики стал этот худой, как жердь, но удивительно обаятельный и артистичный Ван Клиберн. Вообще-то, Вэн Клайберн. Но какой там «Вэн»? С такой располагающей застенчивой улыбкой и светлыми кудрявыми волосами он, понятное дело, напоминал нашего русского Ваню. И Мария, тогда ещё студентка Ярослав-

ского университета, тоже следила за результатами конкурса, бежала к телевизору, узнавала итоги предыдущего дня из свежей прессы.

«Юноша своей музыкой разговаривает с Богом», – так говорили о музыканте. Вот ведь: вроде как Бога нет, но в искусстве, стало быть, есть! И неважно, что пианист мог ошибаться и не всегда попадал в ноту. Клиберн создавал образ, инструмент дышал в его руках. Это была настоящая вдохновенная музыка.

Совершенно новые понятия для Марии и её друзей. Никто не остался равнодушным.

А на конкурсе тем временем бушевали настоящие страсти. Естественно, победителем должен был стать советский музыкант. А как же? Советское – значит, лучшее. Но превосходство американца было настолько очевидным, что председателю жюри пришлось поехать на приём к самому Хрущеву. Так что делать? А что делать, если Хрущев и сам был за правду? Раз лучший – значит, и победитель. Понятное дело, тут же не преминули добавить, что американцы-де у себя под носом такого парня не разглядели. Опять же учительница у Вана Клиберна была тоже наша бывшая соотечественница – Розина Левина. То есть всё равно: кругом наши заслуги.

Мария вместе со всеми восхищалась Первым концертом Чайковского в исполнении музыканта и не могла сдержать слёз, когда на закрытии, начав с совершенно вроде бы неподходящих аккордов, Ван Клиберн вдруг перешёл на «Подмосковные вечера». Удивлены были даже музыканты оркестра, такой сюрприз для всех! А что уж говорить о зрителях? Это был фурор!

И если про себя и музыку Мария мечтала как-то абстрактно, то после появления в её жизни парня из небольшого американского городка (а чем Техас так уж отличается от российской глубинки? Да, собственно, ничем!) она практически дала себе слово: если у её ребёнка обнаружится слух, то он музыке будет учиться обязательно.

4

И Надя училась. Она оказалась очень усидчивой девочкой. Без устали повторяла пассажи и гаммы, пока не достигала нужного результата. Нужно отсидеть два часа за инструментом – будет сидеть два. Нужно три – значит, выдержит и три. Конечно, Мария помогала, поддерживала дочку морально. И книжки подбирала про музыкантов, и вовремя подбадривала девочку, на всех её выступлениях присутствовала. Они много говорили о музыке, обсуждали, какой композитор какие струны затрагивает в душе человека.

Надя росла молчаливым, замкнутым ребенком. Иногда Марию это даже пугало. Она тихонько звала:

– Надя, ты где?

– Да тут же я! – не сразу и немного нервно отзывалась дочь. – А как думаешь, мне Кира Владимировна когда даст Баха играть?

Баха? При чём здесь Бах? Они же только что обсуждали фильм, который посмотрели. Мария воодушевлённо рассказывала о том, почему герой все-таки ушёл от главной героини. Так важно было ещё раз поговорить на эту тему – неполной семьи, раз уж появился повод. Мария не сомневалась: дочь переживает, оттого что растёт без отца. А она, оказывается, думала про музыку и совсем даже не слушала сейчас Марию. Что с этим сделаешь? Значит, так тому и быть. И они опять начинали говорить о музыке.

Хоть и без музыкального образования, Мария была творцом в душе и музыку чувствовала очень тонко. Она со свойственной ей дотошностью пыталась разобраться, почему пианисты играют одно и то же произведение каждый по-своему. Молодая женщина покупала пластинки с одними и теми же прелюдиями Шопена в разном исполнении, они слушали их вместе с Надей, потом разбирали, почему сыграно именно так, что нравится больше, а как бы сыграла она, Надя. Может, есть её собственный вариант? А почему нет? Кто лучше: Горовиц, «Король Королей пианистов», «последний великий романтик», или Рихтер, чья техника игры была безукоризненна.

* * *

Мария постоянно общалась с педагогами Нади, сначала в музыкальной школе – с Кирой Владимировной, потом в училище – с Софьей Михайловной.

Кира была ей ближе, чем другие учителя, понятнее как-то, может, потому, что они были ровесницами, а может, потому, что так же, как и Мария, учительница безоговорочно восхищалась Надей.

– Какая упорная девочка! У неё есть будущее!

Мария задыхалась от этих слов. У неё растёт гениальный ребенок!»! Надя не такая, как все, им обеим уготовано совершенно необыкновенное «завтра». И Мария всё сделает, чтобы талант дочери не угас в их маленьком городке.

* * *

Надя поступила в музыкальную школу легко, хотя конкурс был большой. После экзамена высокая и немного надменная завуч вышла в коридор.

– Результаты вывесим на стенде послезавтра. – Потом обвела глазами толпу детей и родителей. – А где у нас родители Нади?

У Марии сердце ухнуло вниз.

– Я, – хрипло проговорила она, потому что голос вдруг пропал.

– Хорошая девочка. Вы уже выбрали инструмент? Надя говорит про скрипку, но мы будем рекомендовать фортепьяно.

И завуч развернулась, чтобы пойти обратно в кабинет.

Родители с криками атаковали учительницу:

– А мой, а мой?

– Всё послезавтра. – Завуч недоуменно посмотрела на нетерпеливых родителей, передрнула плечами и закрыла за собой дверь в класс.

Мария начала трясти Надю:

– Ты слышала? Ты слышала? Тебя возьмут! А ты что, про скрипку говорила?

Надя стояла, не шевелясь, какая-то немного заторможенная.

– Мама, прекрати меня трясти! А почему ты думала, что меня не возьмут? Я хорошо пою и хлопаю громко, ты же сама говорила. Правда, я сначала немного растерялась, сама не знаю почему, – девочка задумалась, потом вздохнула. – Потому что мне ни разу никто не улыбнулся. Но потом закрыла глаза и всё спела!

– С закрытыми глазами?

– Потом открыла, конечно! Иначе бы я к роялю подойти не смогла!

– А про скрипку почему учительница сказала?

Девочка опять вздохнула, она явно устала и совершенно не хотела отвечать на мамины вопросы.

– Ну, это я сказала, что мне скрипка нравится. Мама, но там такой красивый рояль. Мам, два рояля. Они стоят рядом. Два черных рояля. Я на рояле буду играть, я решила. И вообще, пошли скорее домой, – и шепотом добавила: – Я в туалет ужасно хочу!

* * *

С Надиной первой учительницей музыки – Кирой Владимировной – у Марии отношения сложились теплые, практически родственные, хотя учительница и пыталась вначале держаться достаточно отстраненно. Мария сразу заметила, что педагог выделяет её дочь, занимается с ней больше, чем с другими ученицами. Может, нужно за это платить? Она предложила Кире давать Наде дополнительные уроки, приходите к ним домой.

Кира Владимировна тут же замахала руками.

– Нет, нет и нет. Ну, во-первых, Надя прекрасно занимается самостоятельно. И это очень важно. Контроль – это замечательно, но когда-то он заканчивается. И вот тут музыкант должен уметь работать сам. Вот за что я люблю, Машенька, вашу дочь, можно даже сказать, уважаю. В ней есть эта самостоятельность. Ну и потом, есть, честно говоря, ещё одна причина. – Кира замялась. Мария вопросительно смотрела на нее. – Меня слишком много. Я не умею быть одной из многих. Это мой огромный недостаток. – Мария развела руками, дожидаясь дальнейших объяснений, но Кира Владимировна лишь улыбнулась. Можно было подумать, что Кира говорила о своей фигуре. Невысокого роста, Кира была достаточно полной. Молодая женщина пыталась нивелировать свою полноту широкими юбками, цветастыми объёмными шальями, накинутыми на плечи, или яркими шарфами. Марии нравилось, как смело Кира носила брюки и крупные бусы. Иногда деревянные и пластмассовые аксессуары объема ещё и прибавляли, но Кира была уверена в себе. Её действительно было много. И внешне, и внутренне. Может, в том разговоре Кира хотела ещё что-то добавить? Но нет, не решилась.

Говорила Кира громко, резко. Частенько Мария задумывалась: а что, если бы Кира её Надю невзлюбила? Она бы раздавила девочку. Но нет, учительница и ученица общались на равных. Надя с детства умела держаться с достоинством. Никто из учителей – ни в обычной

школе, ни в музыкальной – никогда не повышал на неё голоса. Надю уважали. А Кира ещё и восхищалась.

* * *

Надины успехи стали частью жизни Марии; главной её частью. Она с удовольствием помогала дочери: вернувшись после работы, сидела рядом, глядя в ноты, похваливала, подбадривала; как ей казалось, брала на себя часть физической нагрузки дочери.

Если Надины занятия в музыкалке совпадали с обеденным перерывом на комбинате, обязательно на них присутствовала, потом коротко перекидывалась парой слов с Кирой. Постепенно отношения с учительницей потеплели. У Марии даже возникла такая мысль: вот была одна подруга – Светка, а теперь, похоже, их стало две. А с Кирой общаться было даже приятнее.

Подруга Светка удивлялась:

– Машка, ты же красавица, ну что ты бегаешь всё время с этими нотными папками?

– А куда мне, по-твоему, бегать? По свиданиям?

– Естественно! Ты думаешь, твоя Надежда на всю жизнь с тобой останется? Вот встретит свою любовь, только ты её и видела.

– Во-первых, Свет, у тебя растёт парень, почём ты знаешь? Во-вторых, Надя столько сил отдаёт музыке, что это стало её вторым «я». Да не вторым, первым! Она же с кровати встает, первым делом к пианино подходит. И потом, при чём здесь какие-то мужики?! Светка, ты даже не представляешь, насколько интересной и полноценной жизнью я живу!

– Не представляю, подруга, прости, не представляю! И иногда даже и рада, что мой Гришка простой парень, без каких-то там закидонов, и от Петьки ничего такого не требует. И всё же твоя жизнь, Маша, мимо проходит.

– Нет! Не проходит! Бьёт ключом! И мне такая жизнь нравится! Даже мечтать не могла. Вот честно!

* * *

Светлана не считала, что Надина учеба может стать смыслом жизни. А с Кирой они говорили о музыке, о последних премьерах; учительница, наоборот, поддерживала Марию в том, что та так много внимания уделяет дочери.

– А иначе никаких результатов не добьёшься. Не забывайте, Машенька, у вас впереди – переходный возраст. Думаю, нашей Наде он не грозит. Но тем не менее.

Да и не нужны были Марии никакие свидания. Она долго приходила в себя после трагической гибели мужа. И теперь так была счастлива, что есть куда применить свои силы, и так радовалась успехам дочери!

Складывались отношения в парах Мария-Кира, Кира-Надя. Мария с Кирой уже были на «ты». Надя безоговорочно доверяла своей учительнице. Такие разные, они приноровились друг к другу и приняли одна другую. Мария могла только догадываться, что происходит в её отсутствие. Как общаются взрывная Кира и тихая, целеустремленная, на всё имеющая своё мнение Надя? Результатом же были хорошие отметки на экзаменах и редкая техника, которую демонстрировала Надя. Произведения, которые играла девочка, год от года становились всё сложнее, всё больше времени Надя проводила дома за инструментом, всё сосредоточеннее становился взгляд.

– Кира, она как будто всё время в себя. Это плохо?

– Не в себе. В музыке. Редкое явление. Маш, я же говорю, она очень способная. Я уже так сыграть не могу.

– Но ты можешь объяснить!

– Это да! – тут же радовалась Кира, поправляя полными руками узел волос. – Так могу только я. А ведь многие родители не понимают. Опять Никифорова жаловаться приходила. Ору я на её ребенка. Так на неё не орать, вообще ничего не вытянешь. Вот люди!

5

Когда Надя заканчивала пятый класс, в жизни её учительницы произошли серьёзные перемены. Это не могло не отразиться на Наде. Слишком она доверяла своей Кире, слишком тесно их связала музыка. Уже было принято решение, что девочка поступает после окончания музыкальной школы в местное музучилище, и Кира начала готовить её по усиленной программе.

– Кир, как думаешь, а дальше что? После окончания училища? Продолжать нам учебу?

– Обязательно! В Гнесинку или в Консерваторию.

– Господи, это из дома уезжать? – Мария успела после работы к самому концу занятия. Игру дочери уже не услышала, но разговор с Кирой – это было тоже хорошо. Мария дома послушает Надю, а здесь можно с удовольствием выслушать мнение Киры. Господи, что в жизни может быть прекраснее, чем слова постороннего человека в превосходной степени, сказанные о твоём ребенке. Ни-че-го! Но расстаться с Надей? Мария была к этому психологически не готова. То есть она всё понимала и знала, что так и будет. Но в Наде – вся её жизнь, и резать придётся по живому. Вот здесь опять помогала Кира, она вселяла в Марию уверенность. Только так, никак иначе.

– Ну а что у нас, в Ярославле, делать? Надь, ты сама-то чего в жизни хочешь? Детей, как я, учить или на сцене выступать? – Кира развернулась на вертящемся стуле к девочке.

Надя тут же залилась краской и по привычке начала накручивать чёлку на палец.

– Я лучше учительницей, – тихо произнесла девочка.

– А вот и неправильно! Учительницей – это здорово. Но обязательно нужно стремиться к чему-то очень высокому. Такая техника, как у тебя – это редкость! – Кира говорила тоном, не терпящим возражений. Мария была очень благодарна учительнице за эти её слова. Да, Надя порой терялась на сцене. Это отмечали и Кира, и другие педагоги. «Перерастёт», – утверждали они. – «Справится», – не сомневалась Кира. Как же хорошо, что рядом с дочерью – сильная личность! Кира меняла тему и тут же переходила на проблемы других учеников.

– Нет, от этих Никифоровых я сойду с ума. Представляешь, теперь отец повадился звонить, учить меня уму-разуму!

– Я пойду? – Надя уже собрала свою школьную папку.

– Иди, молодец. – Кира, как всегда, легко, встала с вертящегося стула, приобняла девочку. – Давай, погуляй во дворе, я ещё немного твоей маме про этого странного человека расскажу.

Да, про Никифоровых Мария знала во всех подробностях, и про Леночку Митяеву, и про других Кириных учеников. У кого рука мощная, у кого – слабая. Кто ритм держит, кто нет. Только про свою жизнь Кира ничего не рассказывала. Понятное дело, истории про других учеников Мария слушала в пол-уха, знала, что рано или поздно Кира как положительный пример приведет её талантливую Надю. Ради этого и про Никифорова можно послушать.

Дружба в одни ворота? Скорее всего, так. Кира, в первую очередь, была учительницей дочери. Мария, сама того не сознавая, тянулась к ней, потому что могла от учительницы узнать больше о своей молчаливой дочери.

* * *

Как-то, забежав за Надей после уроков, Мария нашла Киру в подавленно-отрешённом состоянии. Это было так на нее не похоже. Кира как никто умела собраться, иногда могла быть жёсткой. Такая уверенная в себе, эта женщина всегда знала, как и что делать дальше, куда двигаться.

– Что-тостряслось, Кира?

Кира сидела за партой, опустив голову на руки. Мария никогда не видела такой Надину учительницу. Полная Кира всегда была какой-то подтянутой, казалась крепко сбитой. А тут сразу словно растеклась, видны стали некрасивые складки.

– Ой, Маша, не спрашивай. Мне нужно принять очень непростое решение. Не знаю, как и поступить. Ничего не знаю, совсем в своих мыслях запуталась.

Кира обхватила голову руками и уставилась в поверхность стола, Маша присела рядом.

– Кира, милая, что случилось?

– Понимаешь, речь идет не только обо мне. Даже не представляешь, как мне трудно. Не могу ничего говорить, потому что это должно стать только моим решением. Всё нужно взвесить, я не имею права сейчас слушать чьи-то советы.

В глазах у Киры блеснули слезы, руки тряслись. Кира, всегда такая решительная! Что это? Мария не представляла, как можно помочь. Кира, вытирая глаза, продолжила:

– Хотя выбора-то у меня уже и нет... Это только говорится, что выбор есть всегда. Но, знаешь, бывают такие ситуации, что...

Кира подняла глаза.

– Прости меня, мой хороший. Я тебе всё расскажу когда буду уверена.

– Кир, хочу, чтобы ты знала: если что нужно, помогу, чем смогу.

– Спасибо, Машуня, спасибо тебе, солнышко. Я знаю, как вы с Надюшей ко мне относитесь.

* * *

Надя тоже была озабочена состоянием своей учительницы.

– Мам, а что с Кирой? Может, влюбилась? А что? Она не старая, вы же ровесницы? Мамочка, я за неё так переживаю. Если она от меня уйдёт, я этого не перенесу! – Дочь надкусила бутерброд и, не жуя, уставилась в испуге на мать.

Мария усмехнулась про себя: почему-то дочь никогда не интересовалась личной жизнью своей мамы. Надя привыкла, что Мария существует только для неё. А может, Света права, и Мария действительно все свои интересы заменила Надиными? Фраза дочери почему-то больно резанула Марию, даже появилась обида на учительницу. Ничего себе, а ведь Надя и видит-то её всего три раза в неделю! Мария же отдаёт дочери всю себя без остатка.

Да, Киры действительно много, права она была, когда о себе говорила. А ведь других подробностей Мария о ней не знала. Что, собственно, Кира о себе рассказывала? Очень немного, только то, что приехала она из Кирова, там остались все родственники. Про свою личную жизнь учительница никогда не распространялась. Да и сама Машу никогда о личном не расспрашивала. Хотя её и спрашивать нечего: и так понятно – она вся в дочери.

6

Через какое-то время Кира Владимировна пропала. В школе сказали, что она написала заявление за свой счёт. Надя запаниковала, вместе с ней и Мария.

– Так и знай, у другого педагога заниматься не буду! – заявила Надя.

Как всегда, сказала тихо, ровно, но Мария тут же поняла – это серьёзно.

Мария уже пожалела о своих дурацких мыслях. Тоже мне, ревновать собственного ребенка! К кому? К учителю! А что Надя без учителя? Да ничего! Кира научила её всему. Научила слушать музыку, работать! Они уже выбрали программу для поступления в училище. И что теперь?

У них уже был период, когда Кира серьёзно заболела, попала в больницу; было понятно, что класс остается без педагога как минимум на месяц. Ребятам нашли замену. И что? Надя чуть было не бросила музыкальную школу! Эмоции? Но с ними приходилось считаться. Надя – неординарная девочка, а Кира нашла к ней подход. Откровенно говоря, как и Надя нашла подход к Кире. В последнее время они общались практически на равных.

В дирекции школы просили не волноваться: всё равно до окончания учебного года оставалась неделя, а к сентябрю всё решится.

* * *

Только родитель, который заиклен на успехах своего ребенка, способен понять, что испытала тогда Мария.

– А если Кира Владимировна не вернётся?

– А у нас в школе не только Кира Владимировна работает! У нас и другие педагоги ничем не хуже! – завуч говорила немного резче, чем обычно.

Мария знала, что Киру не очень жаловали в школе. Может, из-за того, что она держалась обособленно или раздражали её новаторские методы, да и произведения Кира выбирала для своих учеников не всегда в рамках школьной программы. Для неё идеалом служила опальная пианистка Мария Юдина, с программными Стравинским и Шостаковичем. Мария знала: не все родители учеников в восторге от Киры. Она запросто могла накричать, даже стукнуть ребенка по рукам. И для Марии первые Надины занятия у Киры Владимировны стали шоком. Жалко было свою дочь, казалось, что педагог несправедлив к ней. Потом уже пришло понимание: по-другому нельзя. Метод кнута и пряника придуман не зря. Одними пряниками ничего не добиться. Где-то нужно отругать, где-то напугать, а потом и искренне восхититься.

– Нет, нет, Вы не подумайте, я ничего не имею против Киры Владимировны. Она – творческий педагог, и если уж наша Кира находит контакт с ребенком, то выращивает бриллиант. Надя – девочка крепкая, – завуч прокашлялась, – но я не очень довольна тем, как она выступает на концертах. Техника безукоризненна, но не хватает яркости. Но это пока! Она же ещё практически ребенок. Вот влюбится и заиграет совершенно по-другому, – завуч улыбнулась Марии. – Подождем. Мы вас не бросим, не волнуйтесь.

У Марии совсем голова пошла кругом. Она уж и не знала, что думать. То ли завуч ей намекала, что нужно искать нового педагога и Кира не может до конца раскрыть Надино дарования, то ли она давала ей понять, что из её дочери толка не будет. Вот только про любовь Мария ничего не услышала. Господи, вот только любви нам и не хватало.

Телефон Киры не отвечал, Надя на каникулы уехала к бабушке в Ярославскую область. Ноты взяла с собой: в поселковом клубе стоял рояль, и довольно приличный. Мария не сомневалась, что Надя занимается регулярно, это стало нормой жизни.

7

Кира вернулась через месяц, с ней была девочка лет двенадцати. Такой несформировавшийся чернявый подросток. Мария встретила их случайно, в булочной на Московском проспекте. Девочка смотрела на Марию затравленно, пряталась за Киру, все время держала её за руку. Прямо волчонок!

– Машенька, знакомься, а это моя Ася.

Ни объяснений, ни извинений. Они тут с ума сходят, разыскивают её, у Нади чуть нервный срыв не случился, а Кира улыбается себе спокойно, как будто только вчера расстались!

Ася называла Киру мама-Кира. Какая мама, какая Ася?! У Киры детей не было, это Мария знала наверняка. Был у Марии с Кирой на эту тему разговор. И тоже не очень простой. Не могло быть детей у нашей Киры. Может, от этого такое неровное отношение к чужим детям?

– Как Надюша, всё нормально? Уже у бабушки? Надеюсь, занимается? Ну, собственно, я в нашей Наде не сомневаюсь. Я такие ноты нашла! Удача! Одним словом, удача!

Кира вела себя как ни в чем не бывало. Мария и радовалась, что вот она – Кира, и занятия Надины продолжатся, и не могла взять в толк, что произошло. Почему Кира не позволила, не написала? Как могла вот так запросто бросить людей, которые на неё рассчитывали?!

Они не встречались с Кирой целое лето. Всё это время Мария пребывала в полной панике! Она ничем не могла помочь дочери в занятиях, только морально её поддерживала. А Надя ещё ребенок, её нужно направлять. Мария нервничала. А может, права завуч, и нужно искать другого педагога? В первый раз Мария задумалась, а правильный ли путь они с Надей выбрали? Вот откажется от них Кира, и что делать, куда бежать?

Всё же решили ждать до конца августа. В конце концов, у них ещё есть достаточно времени для того, чтобы изменить решение.

И вот Кира вернулась; слава Богу, проблема была снята с повестки дня. Мария решила не копаться в прошлом, не разбираться, что и как. Надя верит своей учительнице и хочет учиться только у неё. Ну что ж, остается только надеяться, что всё позади, что больше таких срывов Кира себе не позволит.

Несколько раз Мария брала в руки телефонную трубку, набирала номер Киры и, не дождавшись ответного сигнала, опускала трубку на рычаг. А что она скажет? Кира при встрече всем своим видом давала понять: она не хочет обсуждать создавшуюся ситуацию. Надо же, подруга. Хотя, собственно, подругой её считала Мария, сама же Кира всегда держала дистанцию. Здесь мы вместе, а вот здесь – только моё. И ни на шаг никого не подпущу к этой запретной территории. Значит, исчезновение Киры так и останется загадкой для всех. Что? Почему? Кто такая эта Ася?

Хорошо, что есть Светка. Вот она – открытая книга. Да, с ней музыку не обсудишь: она в этом ничего не понимает, но она никуда и не исчезнет внезапно из их жизни, это уж точно. Всегда поддержит и её, и Надю.

А Кира остаётся Надиной учительницей, не будем об этом забывать.

8

С сентября занятия продолжились как ни в чем не бывало. Надя много играла Баха и Моцарта. Мария заметила, как настроение учительницы влияет на выбор программы для её учеников. Правильно ли это? Если раньше Мария безоговорочно доверяла Надиному педагогу, то после странного исчезновения, неожиданного появления взрослой дочери она стала относиться к Кире с опаской.

На серьёзный разговор Кира Владимировна решилась лишь спустя месяц. Она понимала: Маша ждет объяснений. Невозможно было и дальше делать вид, что ничего не произошло. Мария постоянно смотрела как-то вопросительно. Ничего не спрашивала, просто ждала, когда Кира сама заговорит. Ничего удивительного в проявляемом к педагогу интересе не было: ведь Кире родители доверяют самое дорогое, что у них есть – детей. А ещё надежду. Взять, к примеру, Машу. Кира сама внушила ей, что у неё растёт талантливая дочь, и теперь Мария ждёт результатов. Она не сидит сложа руки, она работает вместе с дочерью, во всём поддерживает учительницу. Появившаяся брешь в отношениях могла повредить учебе.

Кира начала сразу, безо всяких предисловий:

– Асю я удочерила. Ой, Маша, эта такая длинная и запутанная история. Но мне нужно выговориться. Так что садись и слушай.

Сама Кира сидеть не могла, она всё время шагала вокруг письменного стола в своем кабинете, нервно теребя кисти роскошного Павлово-Посадского платка.

– Мы дружили с Тамарой, Асиной мамой. В одном классе учились, так называемые подруги детства. Все тайны друг другу доверяли, ухажёров обсуждали. Так получилось, что Томка родила без мужа. Понятное дело, с головой ушла в пелёнки-распашонки; от меня это всё было далековато, и на какой-то период мы друг друга потеряли из вида. А потом жизнь свела нас снова. Вот тут-то Тамара и попросила позаниматься с Асей музыкой: ей казалось, у дочери есть способности. Способности действительно были, и я ринулась в бой. Ну, ты меня знаешь. Вся растворилась в девочке. Аська готова была петь, играть на пианино день и ночь напролёт. Тамара много работала, ей было не до дочери. А когда, наконец, опомнилась, то Ася говорила только обо мне, идти с Тамарой без меня никуда не хотела, ехать отдыхать не желала; в общем, сложилась совершенно дикая ситуация. Я понимаю, что была виновата сама. Я вторглась в чужую жизнь. Это был не мой ребёнок. Я была просто учительница. А мама есть мама, и нельзя переступать черту. Я не задумывалась, молодость, что тут скажешь. С Асей было интересно, и я видела, что девчонка-то, по сути, одна, и матери рядом почти не бывает – место практически свободно. Ну, вот я его и заняла.

Мария слушала Киру и была на стороне Тамары. Теперь понятно, почему учительница отказалась заниматься с Надей дополнительно, и те её слова вспомнились: «...Меня слишком много, я займу всё пространство». И ведь она сама тоже ревновала Надю. Не признавалась даже себе, ругала себя за дурные мысли, но ревновала! Марии были неприятны восторженные реплики дочери в адрес её учительницы.

У нас, к сожалению, нет института гувернанток. Приходит чужой человек в дом. Он должен найти контакт с ребенком, понравиться ему. И иногда возникшая симпатия заслоняет цель его появления. И возникает такая вот перевёрнутая ситуация. Мария попыталась отвлечься от своих мыслей и вернуться к рассказу Киры. Что же произошло?

Кира продолжила. Она, видимо, поняла настроение Марии.

– Маш, не осуждай меня, я не делала ничего специально. Так сложилось. Я просто очень много времени проводила вместе с ребенком. Когда Тамара поняла, что произошло, она позвонила мне и сказала, чтобы я не смела и на пушечный выстрел подходить к её дочери, чтобы я исчезла из их жизни. Было непросто. Аська звонила, плакала, умоляла встре-

тяться. А я понимала, что уже наделала достаточно глупостей и не имею никакого морального права и дальше разрушать чужую семью, всё равно они – мать и дочь, они друг другу родные. Да, Тома, может, не уделяла дочери должного внимания. Но она же одна её воспитывала, кроме неё денег-то ведь никто не зарабатывал! Она же и ради будущего Аси старалась. Только сейчас я понимаю, что и про болезнь свою Тамара уже знала, хотела хоть что-то дочери оставить. А тут я, как слон в посудной лавке, чуть всё не растоптала. Это ведь легко – пришла, как праздник, два часа попела, поиграла, а мать вечно со своими упреками: «То не сделала, это не успела». Да нет, мне, конечно, тоже легко не было: это тяжёлый труд – ребёнку учить. Но всё равно, в том, что Ася так ко мне привязалась, я одна виновата.

Кира посмотрела на Марию. А та продолжала примерять ситуацию на себя. Боже, боже, как хорошо, что Кира сейчас всё это говорит. А ведь как легко стать мамой-цербером. И у них в семье ситуация похожая. Мария много работает, она не может не работать. Она одна воспитывает дочь. Она старается быть для Нади другом. Но как же страшно: неужели вот так чужой человек может прийти, очаровать и увести. И ребёнок мгновенно забудет, что для него сделала родная мама?

– Ситуация сложилась очень непростая. Кстати, это было одной из причин, по которым я переехала в Ярославль. Всё это время мы не общались, страсти, как мне казалось, улеглись. Я сама не делала попыток обнаружить себя, и с той стороны не происходило попыток сблизиться. Нет – так нет. А в конце мая мне позвонила Ася и сказала, что мама умерла. Звонок раздался в 4 утра, Ася рыдала в трубку, Тамара умерла дома. Она не в «Скорую» позвонила, а мне. В 12 я была уже у них. Летела, как сумасшедшая. Маша, ты не представляешь, что я увидела. Тамара умирала мучительно. А отсюда – запах, грязь... Что там мог сделать ни к чему толком не приученный подросток? Сама Аська – потерянная, голодная. Не передать. Она ведь Надина ровесница, а выглядит лет на десять.

Кира начала плакать.

– Прости, не могу всё это вспоминать. Всё пришлось брать на себя: и похороны, и поминки – у Тамары никого не было, – а главное, нужно было решать, что будет с девочкой. Никаких распоряжений Тамара не оставила. Мне пришлось вернуться в Ярославль, меня же никто с работы не отпускал. Ася рыдала в аэропорту, умоляла взять её с собой. Я её уверяла, что быстро доделаю свои дела, приеду обратно, и мы всё решим. Ну и вот.

Кира, наконец, села. Видимо, она рассказала самое сложное, и ей стало легче.

– Отговаривали меня все. И родственники, и опекунский совет. Только я видела, как на меня надеется Аська, и как она мне верит. И не могла я её подвести. Папа мне говорил: «Не делай глупостей! Представляешь, какую ты берешь на себя ответственность! Ты же свою жизнь этим перечеркиваешь. Это-то ты понимаешь? Потом, кто сказал, что ты можешь быть хорошей матерью?! Учительницей, да. А мать – это совсем другое. Не делай этого! Жалость – это плохой советчик».

Кира вытирала слезы, которые текли по её лицу. От жалости к себе, к Асе, от того, что пришлось пережить?

– Маша, у меня не было другого выхода. Выбора не было. Правильно это или нет, жизнь рассудит. Ну вот, будем жить... Проблем миллион, Аську нужно срочно в школу устраивать. Там, у нас в городе, я договорилась, её квартиру продадут, здесь на эти деньги я ей могу купить нормальную двухкомнатную квартиру. Но это уже всё детали. Главное позади, решение принято.

* * *

Мария слушала Киру и думала, а как бы она поступила на её месте? Трудно сказать. На этот поступок нужно очень много сил. Хотя в жизни порой возникают такие ситуации, когда

от нас уже мало что зависит. И надо просто эти резервы в себе находить. Теперь Мария понимала, что, когда видела весной потерявшую себя и мечущуюся Киру, та уже не стояла перед выбором: выбор был сделан. Она искала в себе тот внутренний стержень, который должен был помочь действовать. Сейчас перед Марией сидела совсем другая женщина, твёрдо знающая, что приняла единственно правильное решение. А слёзы? Ну, когда-то ведь и Кира имела право побыть слабой.

9

Отношения Киры и Марии восстановились, но Мария видела: Кире тяжело. Это действительно так: одно дело – учить чужих детей, давать советы, быть воспитателем на час, совсем другое – взять на себя ответственность стать настоящей мамой.

Мария рассказала историю про Асю Наде. Она всегда и всем делилась с дочерью. Может, это было и не совсем педагогично. Дочь должна оставаться дочерью и не переходить в разряд подруг. Так вроде должно быть. Но кто знает, как правильно? Мария советовалась с Надей, и если уж принимала решение сама, то всё равно проговаривала с Надей все важные моменты. Мария была уверена: если она будет откровенна и честна с Надей, то в ответ получит то же самое.

Почему-то Надя испугалась.

– Мам, а ведь Кира – взрывная, невыдержанная. Она своей энергией зажигает, но на следующий день может перечеркнуть вчерашнюю идею. Она непоследовательна, перескакивает с одной мысли на другую.

– Тебе с ней сложно?

– Я привыкла, и, потом, меня Кира любит. Она меня выбрала и любит. А вот Веру Никифорову постоянно до слёз доводит. Мама её приходила, так орала, мол, «я до гороно дойду, я всем расскажу, как вы тут учите. Одним – всё, другим – ничего!» Как же она будет эту Асю воспитывать?

Мария думала о том же. Как же они похожи с дочерью! Мария по молодости тоже боролась за правду. Частенько ей доставалось от учителей. Подначивавшие её подружки в итоге убегали в тень, а Марии доставалось по первое число. С годами она стала более уступчивой, научилась приспосабливаться к обстоятельствам. А Надя – нет. Принципиальная и сдержанная, она порой ставила в тупик своих педагогов.

* * *

– Надюша, что сегодня было на сольфеджио?

– Ольга Юрьевна хотела мне поставить пятерку но я ей сказала, что не нужно этого делать, что это ты ноты переписывала.

Мария тогда закусила губу. Действительно, они ходили с дочкой в театр, Надя очень устала, и Мария буквально приказала ей ложиться спать, сказав, что сама переписет пьесу в нотную тетрадь. Надя тогда училась в первом классе музыкальной школы, и уж сделать механическую работу за дочь Мария была в состоянии.

– И что же Ольга Юрьевна?

– Всё равно поставила мне пятерку. Сказала, что прекрасно понимает ситуацию и верит в меня, в то, что если бы я делала сама, то точно бы не ошиблась.

Так было всегда. Педагоги быстро привыкали к Наде, ценили её честность и работоспособность.

* * *

Про характер Киры можно было говорить что угодно, но она хорошо подготовила Надю к училищу, и экзамены Надя сдала блестяще.

– Яркая девочка, – с улыбкой сказала председатель приёмной комиссии. Мария разрыдалась тут же, в коридоре, а вечером звонила Кире и благодарила, благодарила. Кира тоже была счастлива.

– Спасибо, мой хороший. Мне так нужны сейчас слова поддержки. Вы уж меня не забываете.

Этого Кира могла бы и не говорить. Она была для Марии проводником в мир музыки. Именно она показала путь, она направила, была рядом в самом его начале. От первого учителя зависит многое, почти всё. Полюбить музыку, поверить в себя, научиться работать. Да, Кира вложила в Надю душу, научила её творить. Надя летала, как на крыльях, она – студентка училища, первая ступень преодолена, всё, как говорила Кира, теперь – только вперёд. На какое-то время пропала вся сосредоточенность девочки. Она буквально прыгала на одной ножке, кружилась с мамой по комнате, подбрасывала к потолку любимого одноглазого медведя и, рухнув на свою кушетку, хохотала в голос. Таких проявлений эмоций Мария не наблюдала у дочери за все её пятнадцать лет. Ребёнок! Какой же ещё всё-таки ребёнок. Кролик прыгучий.

* * *

К удивлению Марии, с новым педагогом, Софьей Михайловной, отношения сложились не так безоблачно.

– Технику, отработываем технику. Надя, твоя сила в скрупулезности. Не все могут заниматься так методично. Так отработывай! Куда торопишься, куда бежишь? Я против таких сложных произведений. До Стравинского ещё нужно дорасти. Ты хочешь быть настоящим музыкантом?

– Хочу! – Надя действительно уже не сомневалась в своей будущей профессии.

– Тогда упорнее занимайся. Что это за пальцы? Чему тебя в школе учили? Разве удобно здесь брать средним пальцем? Переучивайся, девочка!

Такой подход стал для девочки шоком. Кира была строгим педагогом, иногда беспощадным. Но она ни секунды не сомневалась в Надином таланте, не позволяла сомневаться и самой Наде. А уж техника всегда являлась Надиным коньком! А как можно обсуждать пальцы?! Средний палец в данном конкретном случае был Надином изобретением. Именно он давал свободу и позволял развивать виртуозность! А здесь... Не сказать, что новая учительница была безразлична. Она была равной со всеми учениками, никак не выделяла Надю, больше говорила про недостатки, чем про достоинства. Надя плакала, в какой-то момент даже сказала:

– Наступил чёрный период в моей жизни. Ненавижу эту Софью! Ты только посмотри на нее. Губки поджаты, смотрит в пол, ботиночки свои разглядывает! И вечно у неё эти вздохи. Что ни сыграю, она приподнимет ножки, полюбуется на носочки и вздохнет: «Ну-ну». Мам, не могу я больше слышать это «ну-ну», – рыдала Надя в голос.

Мария металась, не знала, что делать, естественно, практически каждый вечер звонила Кире.

– Кира, что делать?! Может, нужно менять педагога? Сколько лет этой Софье Михайловне? У неё просто нет терпения на все новое, свежее. Вот правду говорят: на пенсию нужно вовремя уходить, а не высиживать до ста лет! Педагог должен быть молодым, прогрессивным. Ну, вот как ты!

– Ты не права, и Софье не сто лет. Что-то около восьмидесяти, это да. Она очень крепкий педагог, и ничего менять не нужно, Маша, это нормально: разные школы. Нужно привыкать. Надя была у нас с тобой в тепличных условиях. И это неправильно. Тем более, у неё

сейчас прибавится класс композиции, она должна аккомпанировать, играть с оркестрами, с солистами. Надя упорная. И нужно выстоять, да. В творчестве непросто.

– Навалилось, Кира, жалко её так. Приходит, руки-ноги трясутся. Может, не её это совсем? Ведь я ни помочь ничем не смогу, ни подсказать. Может, зря ввязались? – всхлипывала Мария.

– Её! – Кира говорила уверенно. – Надя очень способная девочка.

Иногда Мария спохватывалась, сколько можно говорить про Надю и про свои проблемы. Ведь Кира просила её не забывать, рассказав об Асе.

– Расскажи лучше про себя. Как ты, как Ася?

Про Асю Кира говорила с большой неохотой:

– Маш, это разговор отдельный, трудный и долгий. Я и тогда понимала, что выбираю себе другую жизнь. Нет, я ни о чём не жалею и очень счастлива. Но, безусловно, это наша с Аськой общая работа. Две сильные личности сошлись вместе. Очень многое раздражало друг в друге. Перевоспитывать обеих поздно. Не замечать – невозможно. Поэтому потихоньку. Мелкими шажками. Помнишь, как я с Надей в самом начале занималась? Сначала просто про музыку говорили, сказки рассказывали, потом мячиками в бадминтон играли, вот примерно так же.

Значит, вот так. Не просто всё у нашей Киры, а Мария забивает голову Кире тем, что её дочь недооценили. Марии в душе было стыдно, но она никак не могла сосредоточиться на проблемах Киры, думала только про себя, про свою Надю. Она верила только Кире, а Кира так умела вселить уверенность! Почему это у Нади не получится? Ну, кто-то же всегда идет первым, прокладывает путь! А почему, собственно, не её Надя?

10

В какой-то момент Надя собралась. Что послужило причиной? Конечно же, она советовалась с мамой, дома они разбирали каждый урок и конкретно то, к чему относились претензии педагога. Мария терпеливо выслушивала дочь, но старалась быть объективной:

– Надя, давай так. Ты терпишь полгода и не просто терпишь, а выполняешь все условия Софьи Михайловны. А может, она права, может, она готовит тебя к какому-то новому уровню? Давай, а? – Мария почти просительно заглядывала дочери в глаза.

И Надя согласилась. Перестала жаловаться, ожесточённо продолжала работать дальше. Мария удивлялась железному характеру дочери. Надя сумела перестроиться и на каком-то этапе согласилась с новым педагогом. В итоге новая учительница в неё поверила.

– А ты у нас боец. И, безусловно, очень одарённая, – Софья Михайловна по обыкновению вздохнула, но при этом отвела взгляд от носков туфель, перестала что-то искать под роyleм и посмотрела прямо на Надю. Её узкие, с сеткой морщин вокруг губы вдруг раздвинулись в подобии улыбки.

– Ну что, работаем дальше? – Учительница встала со своего стула, подошла к Наде и приобняла её за плечи. – Давай-давай! Хлеб пианиста – он тяжёлый!

* * *

На удивление, девушка увлеклась композицией. С удовольствием аккомпанировала оркестру народных инструментов. Предложили ей одной, потому что ноты были сложными. В учебной части знали: Надя разберётся.

– Мам, представляешь, это же ноты для баяна. А они их даже не потрудились для фортепьяно переложить. Вот дают. На баяне же кнопки рядом, а у меня?

Каждый вечер мама и дочь чаевничали на их небольшой и уютной кухне: их привычный семейный ритуал. В отличие от коридора, кухню Мария подкрашивала каждую весну, обычно на майские праздники, немного меняя оттенки светло-жёлтого цвета. На яичном фоне хорошо смотрелись светлые пластиковые шкафы и веселые деревянные дощечки, расписанные ярославскими умельцами. Ситцевые шторы тоже менялись каждый год. Это был традиционный подарок подруги Светки к 8 марта. В этом году Светка сшила ситцевые занавески с морским рисунком. Весёлые ярко-синие кораблики чередовались в шахматном порядке на белом фоне.

– Все равно вы никуда не ездите, вот пусть хоть эти корабли вам напоминают – мир большой и не заканчивается одной только музыкой.

– Ну, во-первых, мы ездим, – слегка обижалась Мария, – а во-вторых, Надя ещё весь мир объездит, вот увидишь! Но занавески чудесные. Спасибо тебе! Умеешь ты видеть яркие цвета! И правда, кухня стала ещё солнечней!

* * *

Мария подливала дочери чай, подкладывала со сковородки ещё горячие сырники и с удовольствием слушала рассказы про училище. Как хорошо, что Надя делится с ней, считается с её мнением. Собственно, а с кем ей ещё делиться, на подруг времени не оставалось. Хотя раньше рассказов было больше. По мере взросления вопросов у Нади становилось меньше, она наконец-то подружилась с Софьей Михайловной, и теперь мнение пожилой учительницы стало для девочки истиной в последней инстанции. Мария уже не ревновала,

она поняла: у каждого в этой жизни есть своё место, своё предназначение. Она всё равно мама. Была и останется, и никто никогда её место не займёт.

* * *

Спустя какое-то время Мария встретила в автобусе Асю. Узнала её не сразу. Смутно знакомой ей показалась девушка, одетая во всё чёрное. Крашенные, неестественного иссиня-чёрного цвета волосы, уложенные в ирокез, выбеленное лицо, серьга в носу, куча браслетов, неопрятный вид. Потухший взгляд и ненормальная худоба. Неужели Ася? Девушка пристально смотрела на Марию, как смотрят на знакомого человека. Внезапно Мария узнала тот самый взгляд из прошлого, взгляд волчонка. И на какое-то мгновение Мария вернулась в прошлое и увидела маленькую затравленную и испуганную Асю, тесно прижавшуюся к Кире. Марии стало не по себе.

Девушка не подошла, не заговорила. Худые нервные руки, рваные джинсы, ботинки на огромной платформе. Кирина дочь? Или всё-таки она ошиблась?

Мария медленно шла домой и всё думала про повороты судьбы. Сколько времени она не звонила Кире? Наверное, с полгода, не виделись и того больше. Жизнь разводит людей. Права была Кира, когда просила не забывать её. А может, Мария перестала звонить, когда почувствовала, что Кира начала отвечать холодно, не интересовалась жизнью Марии, про себя почти ничего не рассказывала? Конечно же, Мария спрашивала про Асю. Ответы всегда были обтекаемыми. Мол, у всех всё сложно.

Только почему же у всех? Нет, у Марии – не так, у неё всё ясно. У Нади есть цель в жизни, она знает, чего хочет. Ну, конечно же! Жизнь не преподнесёт ей таких сюрпризов.

11

Мария видела черты погибшего мужа в дочери постоянно. Вот ведь странное дело, Надя отца не могла помнить, но улыбалась, как он, так же любила сидеть, вытянув вперед и скрестив длинные ноги, даже волосы поправляла, как Володя. Но не это главное. Главное всё же – настырность и желание всё решить быстро и самостоятельно. Мария очень тосковала по мужу, практически стала его обожествлять, ей часто казалось: вот был бы жив, и этой проблемы бы не было, и другая разрешилась бы гораздо быстрее. Но она хорошо помнила ту его настырность и то своё глухое раздражение, когда она не могла мужа переубедить, а он не хотел вникать в её аргументы. Ведь сколько лет прошло, вот уже и лицо Володи стало стираться из памяти, а те свои ощущения она помнила хорошо.

Представить себе не могла, что дочь окажется настолько же упрямой, и уж никак не ожидала она такого зигзага в Надиной жизни.

* * *

Музыкальное училище Надя закончила блестяще, вот только ни в какую консерваторию поступать не поехала, вместо консерватории решила выйти замуж.

– Мою историю повторяешь? Юрка тебе не пара! – Мария в себя прийти не могла от решения дочери. Она только что закрыла дверь за потенциальным зятем. – Хоть бы предупредила! Хоть бы посоветовалась! В какое положение ты меня поставила? Меня же родимчик мог хватить от таких заявлений! – Мария никогда не кричала на дочь. Никогда. А здесь как прорвало. Это даже криком назвать было нельзя, из груди вырывался какой-то некрасивый визг. Марии казалось, что это не она кричит, да и вообще вся ситуация казалась ей фарсом: такого не могло произойти в ее с Надей жизни.

– Ничего, мам, ты у меня сильная, видишь, не хватил же, все выжили! Мам, я его больше жизни люблю! – Надя оставалась на редкость спокойной, только плечами пожимала.

– Господи, да когда ж ты успела? И что ты про ту жизнь знаешь, больше жизни она его любит!

Мария никак не могла взять в толк, как такое могло произойти?! Ну да, она много работает, но, несмотря на сложный Надин характер, всегда считала, что она – друг для своей дочери, и тайн у них вроде не было. Серьезных разговоров вести с дочерью она даже и не начинала. Считала, ни к чему, рано. Была совершенно уверена: Надя увлечена учёбой, по пять часов в день сидит за инструментом. А если в кино с девочками сбегает, так понятное же дело. Сама её порой выталкивала: «Хватит эти гаммы долбить, голову тоже проветривать иногда надо», – и вот, пожалуйста.

* * *

Мария помнила смутно, что дочь пришла в тот декабрьский вечер абсолютно счастливая. Глаза блестели, шапка почему-то была засунута в карман пальто.

– Как прошло выступление? – Мария помогла дочери раздеться. – Ну вот, опять руки холоднющие. – Она по привычке начала быстро растирать ледяные пальцы. – А почему без перчаток, Надя, ты чего это? Потеряла? Ну ладно, рассказывай.

– Мам, всё хорошо. – Надя мечтательно смотрела куда-то мимо матери.

– Вот видишь, это всё Шуман. Мне кажется, ты наконец поняла, как нужно играть. Нужно идти от формы к содержанию. Техника – это прекрасно. Но вот ты многое читала о Шумане, о его отношениях с Кларой. И видишь, как все вышло.

– Да, мам, да. Ой, я так устала, пойду лягу.

Мария слегка расстроилась. Они всегда очень подробно разбирали каждое выступление дочери. Иногда Надя после концерта переигрывала программу. И всегда Марии казалось, что дома получалось чуть лучше, чуть легче, не так скованно. Но как же обидно, что именно в этот раз её не было в зрительном зале. Юбилей директора! Не пойти было нельзя. Никто бы не понял. И ведь дочь в тот вечер так ничего и не рассказала, а, быстро умывшись, прошмыгнула в свою комнату. Мария слышала, как Надя ещё долго ворочалась, вздыхала. И никак она не связала эти факты с возможностью нового знакомства. Значит, Юрий появился именно в тот вечер. Надя не поделилась новостью. Почему? Она знала, что мать точно будет против? Боялась, что Мария не захочет её понять? Если бы она рассказала сразу...

Боже, а ведь был разговор, Надя что-то там говорила про встречи с отличными парнями, которые случаются в жизни, когда их совсем не ждешь. На что Мария отрезала:

– Ну, про это нам ещё рано думать, тебе в этом году училище заканчивать. – Да-да, Мария отлично помнила этот разговор. Она тогда ещё рассмеялась, обняла Надю, прижала её к себе. Может, эта фраза как раз и оттолкнула дочь? А она хотела что-то еще добавить? Какой кошмар! Стало быть, сама виновата.

* * *

Когда Надя, хлопнув дверью, ушла к себе в комнату Мария на автомате начала убирать со стола. Обычно дочь помогала, но сегодня в очередной раз показала свой характер. Ну и ладно. Марии нужно было разобраться в своих мыслях. Синяя сахарница выскользнула у неё из рук. Раздался грохот, по полу мгновенно разлетелись мелкие осколки вперемешку с сахарным песком. Мария даже не отскочила в сторону. Ну и пусть. Какая теперь разница. Но слёзы мгновенно подступили к горлу. Надя так и не вышла из своей комнаты, и Мария, глотая слёзы, пошла за веником.

Нет, но когда они встречались? И потом, всё бы ничего, но почему именно Юра? Как будто специально. Насмешка судьбы. Мария же прекрасно знает его семью. Просто кошмар! Ярославль – город маленький, всё как на ладони.

* * *

Она часто задумывалась о том, каким он будет, избранник её дочери? Особенно когда не спалось ночами. И вот Мария представляла себя сидящей в зале Московской консерватории, естественно, в восьмом ряду, как поёт любимая певица, а на сцене её дочь играет Рахманинова. Или Брамса, или нет, пусть лучше будет Лист. И обязательно с Большим симфоническим оркестром. И после её выступления дирижер бьет о ладонь своей палочкой, а потом выводит её на поклон на середину зала. В этом месте Мария начинала плакать. А как же тут не заплачешь: понятное дело, дирижер уже чуть-чуть влюблен, или, скорее, даже готов сделать её дочери предложение. Но Наде, конечно, не до дирижера. Она практически подписала контракт с Венской оперой. Почему-то Марии больше всего нравилась именно Венская опера. Да, дирижер, наверное, будет мешать. Гастроли, поездки, и вот он, апофеоз, – австрийский импресарио. Он, конечно же, предлагает Наде стать его женой. И ладно, что намного старше. Зато квартира в Вене и летний домик недалеко от Зальцбурга. Ой, если картошку не выкопают в эти выходные, то вся замёрзнет к чертовой матери. Ну вот, прервалась такая красивая история. Но такие мечты убаюкивали, и Мария спокойно засыпала.

* * *

Господи, ну причем же здесь Юрка Соловьёв?! Добро бы, она не знала его отца, попивающего (правда, в меру) Егора, и вечно хмурюю мать, Любашу. Родители Юры работали на том же комбинате, что и Мария. Уж если в городе все друг друга знали, то на комбинате и подавно. А с чего Любаше радоваться? Кроме Юрки, в доме ещё четыре рта, причём все девчонки. Юрка потому и в медучилище пошел, чтобы матери помочь. Она с гордостью показывала новые сапоги – сын купил. А ведь Мария радовалась за неё от души и понимала: хороший парень. Но только пусть найдет себе ровню. При чём здесь её Надя? Просто хороший парень домик под Зальцбургом, поди, не предложит.

12

Юра пришел в их дом с букетом, тортом и бутылкой шампанского Абрау-Дюрсо. Совершенно неожиданно для Марии. Дочь не предупредила, даже не намекнула, что ждет гостей. Сама Мария догадаться не смогла. Она всегда очень гордилась тем, что чувствует свою Надю, по взгляду определяет её настроение, её самочувствие. Только как почувствовать и предугадать то, что и в голову прийти не может?! Этот ни с того ни с сего приход в дом молодого человека? Откуда было ему взяться?

Мария, правда, отметила, что дочь с утра была не в своей тарелке. Нервничала, за пианино ни разу не села.

– Надя, ты сегодня решила отдохнуть? – спросила просто так, для самоуспокоения.

– Да, мама, теории много. Вечером поиграю.

– Я вечером к Светлане собралась, она хотела мне новые туфли показать. Или ты хочешь при мне поиграть?

Была у них такая домашняя традиция. Надя любила играть в присутствии матери.

– Ну, давай, как на концерте. – Мария выдвигала старенький венский стул с витой спинкой, доставшийся ей ещё от бабушки, на середину комнаты. Садилась с прямой спиной, руки на коленях и обращалась вся во внимание, слушала дочь.

* * *

– Нет, то есть да! – Надя запнулась. – Да не ходи ты никуда! Давай сегодня дома побудем.

Мария пожала плечами.

– Как скажешь. – Она подошла к дочери, привычным движением губ дотронулась до её лба. – Всё нормально?

– Мама! – Надя легонько толкнула мать. Ну да, всё как всегда: дочь не признавала «телячьих нежностей». Марии Надя сегодня не нравилась. Что-то произошло, вот только что? Кто сказал «дьявол в мелочах»? Кто-то из немцев. Если точнее, то «Бог – в мелочах, а Дьявол – в деталях». Этот день был с самого утра наполнен какими-то неприятными безотчётными ощущениями. Про дьявола Мария подумала уже потом, во время бессонной ночи. А с утра какие-то досадные предчувствия и нечеткие ощущения чего-то неправильного преследовали женщину.

День и начался не так, как всегда. Время близилось к обеду, а Надя даже не сыграла привычных упражнений. Обычно она, выходя из комнаты на кухню завтракать, уже успевала минут на 15 присаживаться к инструменту, размять свои руки. Несколько аккордов, расходящиеся гаммы. Мария замирала на кухне на мгновение, слушая привычные звуки и представляя руки дочери. Даже непонятно, в кого у Нади такие удивительные длинные пальцы?

– В Рябинкину, – как-то огрызнулась Надя.

«При чем здесь Рябинкина, – слегка обиделась Мария. – Тоже мне, умничать уже начала». Думает, что ей не известно про то, что Рябинкина – это прима-балерина Большого театра. Но только действительно не было у них в роду таких рук, таких пальцев: длинных и тонких. У Володи руки были крупные, это правда. Только никого отношения к музыке это не имело. Обычная большая рабочая рука. Даже слишком большая, немножко похожая на ковш экскаватора. Не рука, а целая лапища. А у Нади – очень тонкая кисть. А может, фортепьянные упражнения развили руку в правильном направлении?

Мария не была ослеплена материнской любовью настолько, чтобы называть свою дочь красавицей. И яркой тоже – нет. Надина внешность, скорее, была тихой и какой-то застен-

чивой. Небольшого роста, очень худенькая, русые волосы, каре с длинной челкой. Обычно мягкий взгляд становился жёстким, как только она садилась за инструмент. Девушка мгновенно менялась за фортепьяно, это отмечала не только Мария, но и Надины учителя. Она становилась как-то выше, увереннее. Мария знала: у девушки свои отношения с музыкальным инструментом, Надя как будто каждый раз пыталась его себе подчинить. И опять же, по мнению Нади, получалось это у неё не всегда. Марию удивляла такая позиция дочери. Мать игрой дочери, как правило, восхищалась, а Надя чаще всего бывала собой недовольна.

Она частенько закрывала крышку пианино, опускала голову на свои длинные пальцы, собранные в кулачки, и, упершись в них подбородком, долго смотрела на своё отражение в полированной поверхности пианино. На себя смотрела или сквозь материю, в попытке разгадать таинство музыки, а может, мечтала в поисках нового вдохновения.

И вот тебе – Юра, совершенно из другого мира, с отцом, практически алкоголиком, и четырьмя сестрами.

13

Звонок в дверь раздался неожиданно.

– Надя, ты кого-нибудь ждешь? – Мария, не дожидаясь ответа, поспешила к двери, на ходу натягивая свитер на домашнюю майку: мало ли кто.

Сначала женщина была уверена, что ошиблись дверью, потом, когда сзади подоспела Надя, поняла, что этот юноша пришёл к дочери, но всё же засомневалась, тот ли это Юра. Но все эти сомнения, к сожалению, не подтвердились. И Юра позвонил в нужную дверь, и был тем самым Соловьёвым Юрой, папа которого на комбинате трудился фрезеровщиком, а мама – уборщицей, и Надя ждала именно его.

Первый шок у Марии быстро сменился разочарованием, а потом и просто тупой болью, рождённой одной мыслью: жизнь прожита зря. Она видела перед собой улыбающегося парня, который хорош собой и знает об этом. А главное, в него вполне могла влюбиться её дочь. В модных джинсах, ярком пуловере, который подчеркивал прекрасную мужскую фигуру, с ослепительной улыбкой он вполне походил на удачливого артиста.

Молодой человек без лишнего стеснения прошёл в комнату. Знакомиться им было ни к чему: Мария хоть давно и не видела юношу, и он очень изменился, но не настолько всё же, чтобы его не узнать. Надя тоже не сочла нужным представить матери своего знакомого и хоть как-то объяснить этот визит. Она всё так же держалась немного позади матери.

– А давайте пить чай! – радостно предложил молодой человек, совершенно не понимая душевных метаний Марии.

– Прямо из шампанского варить будем? – подхватила Мария, она к тому времени ещё не потеряла чувства юмора и надеялась, что цветы и шампанское – это просто от хорошего воспитания и доброты мальчика; вон, маме сапоги покупает.

– Ну почему, шампанское – отдельно, а чай – отдельно. Заварка же есть у вас? – Юра говорил громко, подчеркнуто весело и постоянно улыбался.

– Заварка у всех есть, – Мария уже начинала слегка нервничать по поводу этого боевого парня, который зарился на её заварку.

– Только сегодня же не Первомай и не 8 Марта, – А почему Мария, собственно, не может выяснить, что и почему? Она немного пришла в себя. Не она же пришла в гости, а к ней пришли, тем более что Надя предоставила ей возможность разбираться, как сумеет, и сама, похоже, ничего объяснять не собирается.

– Сегодня, тетя Маш, есть повод получше. У нас с Надей для вас хорошая новость.

У Марии от этих слов засосало под ложечкой. Нужно срочно куда-нибудь присесть. И сразу её жизнь поделилась на две половины. Вот была жизнь до этой фразы, и теперь будет после. Зачем он пришёл, что ему здесь надо? Они же с дочерью всё решили, всё расписали: когда, что и зачем.

Пока Мария пристраивалась на продавленном диване, купленном когда-то по карточкам, в голове прокрутилась вся жизнь: и тот кредит на пианино, и ежегодный отпуск в Евпатории, где месяц в году они жили в частном секторе, у одной и той же бабки. А что, крыша над головой есть, море – вот оно, рядом, оно одно для всех. Хоть ты в правительственном пансионате живешь, хоть у бабы Нюры. У бабы Нюры даже веселее. В соседнем домике – семья инженеров, мама с сынишкой в домике ночевали, папа – под абрикосовым деревом. Умываться к рукомойнику – в очередь. И чем плохо? Весело. И вечная дача, да что там, дача, – хибара: на шести сотках картошка и клубника. Зато не нужно тратиться на овощи, ягоды для Нади, а витамины ребенку нужны в обязательном порядке! Вечно она работала, откладывала, копила, экономила. Жила ради одной только цели: вырастить дочь, дожить до

её успеха, вот до такого выступления в консерватории, какое грезилось ей в её ночных видениях. И тут на тебе, Юра...

Мария встряхнула головой, что это она? К чему все эти мысли? В конце концов, она для Нади всегда была непререкаемым авторитетом. Да, дочь порой демонстрировала характер, но к матери всегда прислушивалась, ни одного решения не принимала, не посоветовавшись. Даже не так: все решения всегда принимала Мария, а Надя соглашалась. Могла поспорить, но потом понимала, что мать права. Вот и здесь поймет. Согласится.

* * *

– Надя, где наш чешский хрусталь? – Мария отбросила дурацкие мысли и направилась к стенке, доставать сервиз и парадную льняную скатерть. – Смотри-ка, «Абрау-Дюрсо», не помню, когда и пила его. И торт «Киевский». Юр, откуда такое богатство, признавайся?

– Тетя Маша, неважно, – парень в очередной раз ослепительно улыбнулся. У Марии опять начало сводить скулы, но она быстренько отбросила нехорошие мысли в сторону.

Женщина решила, что сейчас она всё сведет к обычному чаепитию. Красиво накрыла стол, Надя активно ей помогала. Как хорошо, что в загашнике имелись льняные же салфетки с вышивкой мережками и коробка «Ассорти». На всякий случай выложила в красивые вазы два сорта варенья: пятиминутку из клубники и царское из крыжовника, всем выдала по розеточке, вдобавок к десертным тарелкам. Получилось нарядно. А даже и хорошо, давно они празднично не накрывали стол и варенье ели прямо из банки. Почему? Вот есть же фарфоровые розеточки, Светка как-то на день рождения подарила.

– Юр, ты варенье-то накладывай. Говорят, у меня хорошо получается. Стараюсь не переваривать, чтобы не очень сладко получалось. У тебя мама варенье варит?

Все дружно расселись. Мария только сейчас заметила, что Надя не в обычном домашнем халатике, а в юбке в клетку и рыжей кофе-лапше, и колготки на ногах тоненькие, а не те хлопчатобумажные, в которых она обычно по дому ходит. Когда успела переодеться? Или уже с самого утра готовилась к приходу гостя, просто не выглядывала из своей комнаты, вот Мария и не обратила внимания. Мария обычно по дому ходила в спортивных трико и в обычной белой футболке. Удобно, нигде не давит. Перед тем, как отомкнуть дверь, она быстро надела домашний же свитер. Ещё чего, ради этого Юры она переодеваться не станет. Так вполне хорошо. Не какой-нибудь приём, обычное чаепитие. Приходят же к Наде подружки, или к ней Светка, допустим. Мария же не наденет ради Светки тонкие колготки. Вот и всё!

14

Мария взяла инициативу в свои руки. Она всё говорила и говорила, расспрашивала Юру про сестёр, про работу медбрата, похвалила новые материнские сапоги. Она так боялась услышать страшные вести. Что это за «хорошие новости»? А ну, как Надя «залетела»?! От таких предположений в голове начинало шуметь, и Мария задавала вопросы Юре всё более громким голосом, рассказывала сама, и всё уводила и уводила в который раз прокашливающегося Юрку от главного – сообщения новости.

– Мама, – её речь прервала Надя, вмиг став жёсткой, такой, какой мать видела ее только за инструментом. Жёсткой и собранной. – Нам с Юрой что-то нужно тебе сказать, – она помолчала, но глаз не опустила. – Важное.

Мария враз обмякла, вся разговорчивость её куда-то улетучилась, даже не было сил что-то возразить, она только пожала плечами, схватила со стола салфетку и что есть силы сжала её в руке. Предательский комок подкатил к горлу, женщина часто заморгала. Ну вот, не хватало ещё разрыдаться прямо сейчас. Вот ведь.

– Теть Маш, мы с Надей любим друг друга.

Мария развела руками, губы затряслись, сказать она уже ничего не могла.

– Да нет, Вы ничего не подумайте такого. – Парень сам был растерян не меньше будущей родственницы. – Вот, решили пожениться. Вы как на это смотрите?

Мария попыталась было ответить, но слишком глубоко вздохнула, закашлялась, слезы хлынули из глаз. Это было даже кстати, вроде как глаза заслезились от кашля. Мария быстро промокнула глаза салфеткой (вот и пригодилась), утёрла нос, ещё раз прокашлялись. Ребята молча ждали, наблюдая за её реакцией.

– Юра, так сразу, вы застали меня врасплох! Надя даже не предупредила, я ведь не знала, что ты придешь! – Мария попыталась улыбнуться Наде, но улыбка получилась какая-то кривая.

– Я, конечно, немного знаю твоих родителей, – начала Мария, про себя подумав: «Лучше бы не знала». Она пыталась переварить новость и совсем не готова была отвечать. Да и что? Благословлять, что ли, их? – Но ты всё же расскажи о себе. Что, как, где вы познакомились. Надюша, – она повернула голову к Наде, голос предательски задрожал, – такие новости! – И Мария опять закашлялась.

– Так скрывать мне, собственно, нечего. Вот я, весь перед вами, – Юра встал, видимо, чтобы Марии было лучше видно. Она ещё больше вжалась в диван. Юра браво продолжил: – Средняя школа, медучилище, Морфлот. Владик, естественно. Три года от звонка до звонка.

Мария продолжала натянуто улыбаться. Что это за жаргон? «От звонка до звонка». Кто такой Владик? Ах, ну да, так называют портовый город. Можно же просто сказать, что прослужил во Владивостоке ровно три года. То есть, если напрячься, понять, конечно же, можно. Но сейчас не это главное. Нужно вникнуть в суть, а не цепляться к словам. Она понимающе кивнула.

– После службы вышел на дембель, понял, что нужно на ноги становиться, расширять, так сказать, горизонты. Закончил курсы массажистов. – Юра опять широко улыбнулся. Да, улыбка знатная, – видимо, не одну девчонку покорил. Только Мария не девчонка. И ей горизонты в виде массажных курсов настроения не прибавляли. Она посмотрела на Надю. Всё понятно: Надя улыбалась точно так же, широко, как и Юра, не сводя с парня глаз.

– Тружусь в физкультурном диспансере. Лечебная физкультура, массаж, от работы не отказываюсь. Зарботки нормальные, прожить можно.

– Мам, ты не представляешь, Юра людей возвращает к жизни. После аварий, тяжёлых операций. Придумывает специальные упражнения, – наконец-то подала голос Надя. Но как

он звучал! Мария давно не слышала таких восторженных интонаций в голосе дочери. Вернее, она их никогда не слышала.

– Ну, ты уж скажешь! Книжки читаю! Запоминаю. Ну, и сам кумекаю! – стушевался Юра.

Мария ухватила за это «кумекаю».

– Юра, вот видишь, какой ты способный, тебе в институт нужно поступать. И Надя дальше учиться собирается. У неё же талант.

– Мама, – Надя говорила твёрдо, но при этом смотрела не на мать, а прямо перед собой, – я передумала ехать в Москву.

– То есть как это? – ахнула Мария. – Столько сил отдали. – Про себя подумала: «И денег».

– Мама, ну ты сама всё знаешь, музыка для меня – это главное, это всё так. Я себя без фортепьяно не представляю. Но я не артистка! Да кому я всё это рассказываю? Сама всё прекрасно знаешь! Ну, не для радио же мне играть, в конце концов.

Мария понимала, о чем говорит Надя, сама видела: на сцене дочь другая. Выходила вечно на негнущихся ногах, не могла раскрыться полностью. Дома играла совершенно по-другому, не сравнить. Но Мария всегда думала, что дочь привыкнет, разыграется, даже в голову не брала эти Надины особенности. Да, среди её сверстниц были готовые артистки, хоть сейчас в ту самую Венскую оперу. «У всех по-разному», – сама себя уговаривала Мария. Сегодня сомнения дочери совсем уж были некстати.

– Да, но при чем здесь Юра и ваши отношения? – Мария сказала и невольно прикусила язык. Какие такие отношения? Господи, что у неё с головой?

– Тетя Маша, да нет у нас с Надей никаких таких отношений, Вы не волнуйтесь, пожалуйста, и мы всё продумали. Вы же знаете, моя семья стоит в очереди на квартиру, сейчас распишемся, нам отдельную дадут.

– Из-за жилплощади! – всплеснула руками Мария.

– Ну почему из-за жилплощади? – Надя вспыхнула. – Mam, что ты говоришь? Я люблю его, – и она так посмотрела на Юру, что Мария поняла: пожалуй, не будет в её жизни ни импресарио, ни домика под Зальцбургом.

– Mam, а вот дочку я обязательно к консерватории подготовлю, вот увидишь.

15

Сложно было сказать, кто на кого первым обратил внимание: Юра на Надю или наоборот, – в тот праздничный декабрьский вечер в музучилище, да это и неважно, что теперь вспоминать. Главное, тот вечер круто изменил всю Надину жизнь.

Она настолько привыкла жить по графику! Всё рассчитано: сколько времени отводится на еду, сколько – на занятия музыкой, сколько она играет гаммы, сколько этюды, а потом идет поэтапная отработка деталей. Всё рассчитано по часам и минутам. За пианино нужно проводить четыре-пять часов ежедневно, иначе пропадет чувствительность пальцев. Сначала техника, а потом уже музыка. Так учили педагоги, без усидчивости ничего не добьешься. Это как при изучении иностранного языка. Можно быть тысячу раз талантливым, но без зубрежки слов не обойтись. Такой жизненный ритм вошел в привычку, Наде нравилась её жизнь. Книжка на ночь, кино с подружками – по выходным. А чем, собственно, плохо? Её раздражало, когда кто-нибудь говорил, что жизнь проходит мимо. Как же «мимо»? А музыка, дающая ощущение, что тебе принадлежит весь мир, что ты – избранная, когда вдруг удается подчинить себе инструмент. Да разве же это может сравниться с глупым хихиканьем подружек, обсуждающих свои нечастые свидания? Смешно!

И тут вдруг появился Юра и предложил совсем иную жизнь, не с обязательной программой действий, а с прогулками вдоль речки, со слушаньем лесных птиц и неловкими объятиями. Сначала был испуг, просто оттого что, оказывается, есть другая жизнь и другое отношение к ней. Надя сначала никак не могла перестроиться и постоянно чувствовала угрызения совести: не выполняет намеченных планов, начала заниматься спустя рукава. А потом вдруг поняла: а с Юрой-то лучше, чем за роялем! Что она видит из-за своего пианино? И кто сказал, что её возьмут в консерваторию? Мама? А она что, музыкант? И потом, Надя сама видела, как порой вздыхает её педагог, Софья Михайловна:

– Деточка, ну что ты опять так зажалась? Шире играй, шире! Смотри, какие у тебя пальцы. Ты всё можешь сыграть, тебе подвластны произведения любой сложности, сама природа за тебя. Только про это знаем ты да я, а нужно, чтобы другие тоже почувствовали весь размах, всю глубину. Ну да ладно, всё еще придет. Количество обязательно перерастет в качество. Ты упорная девочка.

Да, упорная, это точно. Но если не придет? Раньше Надя никогда не позволяла себе сомневаться. А после знакомства с Юрой её все чаще стали посещать дурные мысли. А что, если это действительно совсем не её будущее? Сколько лет она выступает на сцене, а всё никак не может справиться с потеющими ладошками. На выступлениях в пальцы как будто вставляют пластмассовые пруттики, она чувствует каждое своё движение, думает о каждом сложном пассаже, который встретится впереди, и испарина выступает на лбу. Ни дома, ни в учебном классе у Софьи Михайловны такого с ней не случается. И легко, и широко всё звучит. И Надя чувствует в себе потенциал, что может, как говорит преподаватель, ещё легче и ещё шире.

А вдруг это болезнь, и она никогда не преодолет страха перед сценой? Что ждет её впереди? А Юра – вот он, рядом.

* * *

Она ничего не стала говорить маме, а вот с Софьей Михайловной решила посоветоваться. На одном из уроков, в перерывах между упражнениями, у Нади вдруг вырвалось наболевшее, она как будто заговорила сама с собой:

– А может, и не нужна мне никакая консерватория? Вы же знаете, что я – не артистка; может, лучше пойти в наш институт культуры, на хоровое отделение, к примеру, или на пед? Буду других учить. Ну, боюсь я сцены! Это если начистоту, – и Надя повернула голову к педагогу.

В аудитории повисла неприятная пауза. Софья Михайловна, по своему обыкновению, задумчиво смотрела на туфельки. Надя знала, что учительница услышала вопрос и теперь размышляет, как лучше ответить. Это ожидание было для Нади невыносимым; ей стоило таких трудов сказать то, что волновало её больше всего на свете. Она попыталась не паниковать и сосредоточиться на разглядывании грязно-бежевых стен и огромных, практически от пола до потолка, окон. Почему-то в классах на окнах не было штор. И каждый раз, когда в окна светило солнце, зайчиками прыгая по клавишам, казалось, что это не она, Надя, играет, а солнечные лучики выстреливают радостными звуками. Со стен смотрели строгий Бетховен с копной волос и твёрдым подбородком и смешливый Моцарт в парике, который совершенно ему не шёл. Великие композиторы, казалось, тоже ждали вердикта старой учительницы.

Когда, наконец, вздохнув, Софья Михайловна начала говорить, Надя уже догадывалась, что услышит в ответ:

– А я не знаю, – учительница пожевала губами, как она всегда это делала в моменты глубокой задумчивости, что сразу выдавало её возраст, все-таки 80 лет – это уже очень много. – Если такой вопрос возник, может, и не надо. Если бы ты была уверена, то не советовалась бы. Сама решай! Мама твоя, конечно, расстроится, но жить тебе, не маме. Так что выбери, Надя. А педагог из тебя точно будет хороший. Ты целеустремленная и терпеливая, да и людей любишь.

Для Нади такой прямой ответ педагога стал откровением, и откровением неприятным. Мама всю жизнь внушала дочери мысль о её непохожести на других, её избранности. И сама Надя почти уже была убеждена: нужно много работать, и когда-нибудь, как обещает Софья Михайловна, количество обязательно перейдет в качество. Надя не сомневалась: старая учительница тоже верит в её талант. Она явно выделяла Надю среди других учеников, именно её готовила к дальнейшей учебе в Москве, везде продвигала. А тут: «Не хочешь, не надо».

– Значит, дочь свою подготовлю к музыкальной карьере. Ей уже будет легче, – Надя как будто бы бросила еще один пробный шар, ей хотелось, чтобы Софья Михайловна начала убеждать её, настаивать на том, что нужно учиться дальше, обязательно! Почему она молчит? Почему не скажет, что эти тревоги беспочвенны, нужно просто взять себя в руки!

– Неужели дочь? Уже? – покачала головой учительница, только и всего.

– Да нет же! Но должна же мечта в ком-то воплотиться! Не моя, так мамина! – Надя говорила уже практически сквозь слезы.

Софья Михайловна сняла с носа маленькие круглые очки, перестала, наконец, жевать и взяла Надины руки в свои.

– Девочка моя, ты расстроилась? Обиделась? Хотела бы, чтобы я тебя убеждала и уговаривала? Ты уже взрослая, милая ты моя. Может, и недостаточно, чтобы принимать такие вот решения, жизненно важные. Но что я могу тебе сказать? Я тебя уже всему научила: музыке, умению правильно и много работать, выделять главные моменты, может, и мудрость какую жизненную тебе через пальцы передала. Да, очень на это надеюсь. – Софья Михайловна отпустила Надины руки, вновь надела очки и посмотрела в ноты. – Ты влюбилась?

Надя покраснела до корней волос.

– Ладно-ладно, можешь не отвечать. Любовь – это прекрасное чувство. Я не буду настаивать на том, чтобы ты приняла то или иное решение. Ещё раз проговорите всё с мамой. – Жестом она остановила Надю, которая уже замотала головой. – Обязательно. Считаю, что твоя мама потратила на твою музыку ровно столько же сил, сколько и ты. Пойми, ты не име-

ешь права сейчас её разочаровывать, это неправильно, это очень большая обида. Ну, а если хочешь знать мое мнение – ты будешь прекрасным педагогом, Надя, превосходным.

Надя попыталась улыбнуться. Как хорошо, когда кто-то может принять за тебя решение. Она же хотела услышать именно такой совет. Почему тогда расстроилась? Она сама себя не понимала.

– Ну, вот и замечательно, – удовлетворённо засмеялась Софья Михайловна. – И всё, давай заниматься.

16

Убрав осколки и сахар с ковра, Мария, сорвав с себя фартук с синими корабликами, подаренный тоже Светланой в комплект к шторам, решительно открыла дверь в Надину комнату. Надя, как ни в чем не бывало, лежала на диване и читала Франсуазу Саган. Она уже переделась в домашний халат. Ни следа слёз или испуга на лице. «Ну, характер», – ещё раз удивилась Мария. Понятно же, что и у дочери сейчас всё в душе кипит, но ведь ни одна черта не дрогнет! Мария произнесла, стараясь говорить как можно более спокойно:

– Во-первых, сколько раз можно повторять: не лежи на покрывале, а во-вторых, может, ты всё же сможешь мне убрать со стола?

– Да, мама, – Надя встала с кровати, поправила светлое пикейное покрывало, нащупала тапки и с независимым видом прошла мимо Марии на кухню. Ясно. Обиделась, видите ли, за своего Юру. А что должна была делать Мария? Кинуться ему на шею? Чего Надя ждала? Мария недоумевала. Вот ведь жизнь как повернулась: получается, её поставили в дурацкое положение, и она же еще должна и оправдываться. Сумасшедший дом! Мария, вздохнув, пошла за Надей, по дороге опять надев смешной фартук с корабликами и завязав на спине ярко-синие тесемки. Ничего-ничего, главное, дочь вышла из комнаты, сейчас они спокойно во всём разберутся.

Мария включила воду и начала мыть тарелки; ей нужно было что-то делать, вот так просто сесть перед дочерью и устроить ей допрос она бы не смогла. Нужно наводить мосты и лучше сделать это как бы между прочим. Она прекрасно знала взрывной характер дочери. Пока ещё ничего не случилось, остается правильно построить разговор.

Надя привычно встала рядом, с полотенцем в руках. Мытье посуды всегда было обязанностью Марии: Наде нужно беречь руки.

– Где ты с ним познакомилась?

– В училище, на новогоднем вечере.

Господи, Мария и всего-то не попала к дочери на концерт один-единственный раз. И вот – на тебе. Но ведь прошло-то всего три месяца! Невозможно принять решение за такой короткий срок. Они же совершенно друг друга не знают!

– И не рассказала. – Мария никак не могла смириться с наличием у Нади секретов. Как же так?! Она была уверена, что ближе неё у Нади никого нет. Всё и всегда они обсуждали совместно!

– Мама, ну сначала не хотелось, думала, зачем? И потом, ты же видела, какой он красавец! Я даже не предполагала, что у него это может быть ко мне серьёзно. Какой он и какая я. – Надя тоже рада была разговору, тому, что наконец-то ничего не нужно скрывать. А мама, она, конечно, поймет.

– Вот, – Мария обрадовалась. – Именно.

– Мам, я о внешности говорю, – в голосе дочери Мария услышала раздражение.

– О внешности, кстати, поговорить тоже можно. Ты, Надя, очень славная девочка. Может, не Наталья Фатеева, но в тебе есть шарм, ты хорошенькая. Муж-красавец – это чужой муж. И потом, он же гордится своей внешностью, это видно!

– С чего ты взяла? – Надю аж всю передернуло. Мария поняла, что зашла не с того конца. Она попробовала ещё раз.

– Это совершенно другая семья, ты отдаешь себе в этом отчет? У него четыре младшие сестры! Всю дорогу он должен! Ты же так не привыкла! – Мария мыла посуду, а Надя стояла рядом, вытирала тарелки и аккуратно составляла их стопочкой, чтобы потом убрать в сервант.

– Мама, к чему?!

– Да вот к этому всему. Это он на свиданиях только с тобой. А после работы у него сплошные обязанности: с той – уроки, с этой – на мультфильмы. Зарплату всю – матери. Я же рассказывала тебе про Любу. Ты помнишь?

Надя неопределенно пожала плечами.

– И что?

– Да что значит «и что»?! – Мария не могла сдержать себя, ведь рушилось всё, о чем думалось и мечталось. Да нет, она сейчас обязательно переубедит Надю. Отказаться от консерватории, от мечты!

– Эти люди из совершенно другого мира, ты пойми. Они про твою музыку не знают и не узнают никогда. Нет, ты ничего не подумай такого. Понятное дело, у нас все равны. И уборщица тоже хороший человек. Ей нужно было детей поднимать. – Мария немного запнулась. – Да нет, они не плохие. Но они – другие, и Юра этот – он часть семьи. Причём главная. Знаешь, как они все счастливы были, когда Юрка на ноги встал, как им эта копеечка кстати пришлась. Вздохнули хоть. Надюша, думаю, они тоже особой радости не испытают, узнав про тебя. Поверь мне, не обрадуются!

– Уже узнали, – Надя, вздохнув, подняла на Марию глаза.

– Значит, вот как, – Мария устало опустилась на стул и начала по привычке собирать рукой несуществующие крошки со стола. Вот так номер, а она-то всегда считала себя первым другом для дочери, первым советчиком, а оказалось, что та с чужой тетей посоветовалась, а матери ничего не рассказала.

– Мама, и ничего страшного. Мы просто шли мимо, Юра пригласил меня зайти.

– Но ты же мне ничего не рассказала. – У Марии вдруг страшно разболелась голова. Она сдавила руками виски. Неужели все зря? Дочь сама не понимает, что сейчас происходит, и Марию не слышат, не воспринимает. Неужели её приняли в той семье? И Любу не испугала невестка-пианистка, которая ни постирать, ни посуду помыть, потому что нужно беречь руки. И что, Люба так вот отдаст своего сына? За здорово живешь? Дане поверю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.